

Буква закона против здравого смысла или Кое-что об офшорных трастах

Как известно, в общем праве траст - это договор, по которому учредитель траста передает некоторое имущество доверительному собственнику (иначе - управляющему траста) для того, чтобы он им владел и управлял в интересах третьего лица, бенефициара.

Траст широко используется в международной практике как инструмент, позволяющий обезопасить свои активы от возможных будущих притязаний кредиторов, как средство налогового планирования и как гибкая альтернатива завещанию. Во всех случаях такое использование основывается на том, что та часть имущества учредителя, которая передается в траст, юридически перестает быть его собственностью. Поэтому на эту часть не может быть обращено взыскание в случае, допустим, банкротства учредителя, она не облагается налогом в составе имущества учредителя, и она не наследуется вместе с имуществом учредителя. Для всего этого траст должен носить безотзывный характер, то есть учредитель не должен иметь возможности по своему желанию вернуть данные активы обратно в свою собственность. В противном случае в ходе судебного разбирательства трастовый договор может быть признан фиктивным или же действительным, но не имеющим тех благоприятных налоговых и т.п. последствий, которых ожидал учредитель. Существует и обратная сторона медали: поскольку контроль над активами утрачивается, может оказаться, что они используются вовсе не так, как предполагал учредитель. Даже если не рассматривать возможности недобросовестных действий со стороны доверительного собственника, может оказаться, что трастовый договор составлен так, что в некоторых ситуациях он приводит к весьма неожиданным последствиям.

Рассмотрим в связи с вышесказанным два в некотором смысле противоположных примера из международной судебной практики, относящейся к трастам. Они характерны прежде всего именно тем, что исход дела оказался абсолютным сюрпризом по крайней мере для некоторых из заинтересованных сторон. Но в одном из случаев это стало, по-видимому, следствием некоторой беззаботности учредителя при заключении траста, а вот в другом, напротив, результатом просто-таки дьявольской изощренности составителей договора.

Напомним вначале, что концепция траста принадлежит так называемому общему праву, то есть прецедентному праву, происходящему от английских корней. Общее право применяется в Великобритании и ее бывших и настоящих колониях, в том числе в большинстве современных офшорных зон, а также в США. В силу прецедентной природы права именно судебные решения имеют основополагающее значение для всей последующей юридической истории. Обычно в каждой независимой юрисдикции признаются британские прецеденты до определенной даты (даже в США в суде иной раз всплывает ссылка на какой-нибудь средневековый английский прецедент), а после этого - только свои собственные судебные решения. Таким образом, решения одной юрисдикции не имеют обязательной силы для другой. Однако опыт коллег внимательно исследуется юристами всех стран общего права и, несомненно, имеет как минимум большое неформальное значение.

Дело «Роузвуд Траст Лимитед» против Шмидта (Остров Мэн, 2001 г.)

У этого судебного прецедента, уже почти ставшего классикой общего права, есть предыстория. Она несущественна с юридической точки зрения (которая в данном случае интересует нас), но в свое время для российской прессы это была настоящая сенсация. В 1997 г. в Москве скоропостижно скончался сорокавосьмилетний Виталий Гейнрихович Шмидт, вице-президент компании

«Лукойл» по внешнеэкономическим связям. Считается, что именно он был одним из главных создателей офшорной империи «Лукойла» - порядка 150 дочерних структур за границей. Завещания Шмидт не оставил. Вдова и сын покойного не получили практически ничего из тех миллионов, на которые они рассчитывали. Так, зарубежные особняки, на которые они имели виды, оказались оформлены не на Шмидта лично, а на структуры, подконтрольные «Лукойлу». Тогда наследники публично - через прессу и телевидение - обвинили руководство «Лукойла» в утаивании имущества покойного Шмидта. Дело дошло даже до эксгумации тела покойного с целью проверки причины его смерти. Однако в России дело так и закончилось ничем. Судебное решение, которое мы рассматриваем, относится к следующей фазе поисков справедливости Шмидтом-сыном - в зарубежных судах. Итак, рассмотрим обстоятельства дела.

Компания «Роузвуд Траст Лимитед» стала (в результате правопреемства) доверительным собственником в двух дискреционных трастах, существующих по закону Острова Мэн. Покойный Виталий Шмидт был бенефициаром в обоих трастах. После его кончины сын покойного, Вадим Шмидт, стал его душеприказчиком. Вадим Шмидт решил получить полный отчет об активах отца, однако трастовая компания, к которой он для этого обратился, не проявила в этом энтузиазма. Шмидт подал в суд Острова Мэн заявление с просьбой обязать компанию отчитаться перед ним о том, что за активы были ею получены, и какие действия с ними производились, начиная со дня учреждения траста. В 1999 г. в первой инстанции был издан судебный приказ, дающий доступ представителям Шмидта к банковским счетам компании и другим документам, необходимым для отслеживания транзакций, имеющих отношение к трасту. Однако трастовая компания не согласилась с этим решением и подала апелляцию. В 2001 г. апелляционный суд пересмотрел решение суда первой инстанции, отказав Шмидту в доступе к информации. В настоящее время это дело ожидает рассмотрения в следующей инстанции, Тайном совете в Лондоне (судебная система острова до определенной степени интегрирована с британской).

Какие же основания были у апелляционного суда для вынесения подобного решения? Вообще-то тут есть два разных вопроса: имел ли сам покойный Шмидт-старший право на получение такой информации, а если имел, то распространяется ли оно и на его душеприказчика (ведь имущество, находящееся в трасте, не обязательно подлежит наследованию на общих основаниях). Суд не стал вдаваться в детальное рассмотрение второго вопроса, а определил, что даже Шмидт-старший права на информацию не имел. Все дело оказалось в дискреционном характере данного траста.

Дискреционный траст - это траст, в котором доверительный собственник имеет право по своему усмотрению определять, какую долю имущества, переданного в траст, должен получить каждый из бенефициаров траста. Более того, он даже может иметь право на определение самого списка бенефициаров (обычно в рамках заданного учредителем класса). Конечно, предполагается, что в договоре траста учредитель дает доверительному собственнику некоторые указания относительно того, кого именно он хотел бы облагодетельствовать, но точный список учредитель предоставлять не обязан.

Эта форма траста означает весьма значительную степень отчуждения имущества (так что при нормальных обстоятельствах такой договор вряд ли может быть признан фиктивным). Естественно, он предполагает большое доверие к управляющему траста. Видимо, в данном случае такое доверие при учреждении траста имело место. Но отнюдь не исключено и то, что просто был «не глядя» подписан стандартный бланк договора дискреционного траста.

Так вот, в случае дискреционного траста бенефициар, «назначаемый» в качестве такового доверительным собственником, не имеет в активах траста имущественного интереса, который мог бы быть принудительно осуществлен по закону. Он является, говоря строго юридическим языком, даже и не бенефициаром, а всего лишь объектом полномочий доверительного собственника. По мнению апелляционного суда острова, это означает, что он не имеет права и требовать отчета от управляющего траста. Более того, такой «квазибенефициар» не имеет права даже просто ознакомиться с текстом трастового договора. Ну а тем более это касается его наследников, которые уже вообще не имеют к трасту никакого отношения.

Несомненно, в этом решении есть железная юридическая логика. Однако оно вызвало бурные дебаты в юридической среде не одного только Острова Мэн, так как находится в радикальном противоречии со сложившейся практикой использования дискреционного траста, а отчасти и со здравым смыслом. Дело в том, что зачастую именно дискреционный бенефициар (нередко являющийся также и учредителем траста) - основной или даже единственный выгодоприобретатель по трастовому договору, заключенному для целей налогового планирования и подобных им. Возможно, он всю свою жизнь получает доходы от активов траста. И вот вдруг оказывается, что по закону он не имеет права даже потребовать отчета у своих управляющих!

Любопытно, что такое право может неожиданно оказаться у совсем других людей. В список бенефициаров часто включаются различные благотворительные и т.п. организации, причем иногда по чисто техническим причинам. Например, договор траста, учрежденный, предположим, неким гномом Смитом (извините за невольный каламбур), может устанавливать, что на протяжении срока действия договора имущество траста и доходы от него распределяются самому Смиту и его детям или потомкам по усмотрению управляющего, а после окончания срока договора все, что останется, переходит Красному кресту. Фактически Красному кресту, однако, ничего не достается, так как все имущество на самом деле передается Смиту в течение срока действия договора (о чем имеется неформальное взаимопонимание с управляющим). Дети включены в договор на случай смерти Смита, а Красный крест - просто, чтобы соблюсти правило о недопустимости неограниченной длительности траста. По истечении срока договора активы положено кому-то распределить, а прямо отписать их Смиту могут препятствовать, например, налоговые соображения. Таким образом, включение Красного креста в список бенефициаров не отражает реальных благотворительных намерений Смита, а носит технический характер - проще говоря, надо было заполнить графу «остаточный бенефициар» в стандартном бланке трастового договора. Тем не менее в данном случае, как это следует из рассматриваемого нами судебного прецедента, именно Красный крест имеет право на доступ к информации об активах траста, как лицо, имеющее в них имущественный интерес, в отличие от самого Смита и его родни, которые формально являются лишь объектами полномочий доверительного собственника.

Кстати о Красном кресте - известен и совсем уж анекдотический случай, рассматривавшийся в суде того же Острова Мэн в 1993-95 гг. При регистрации траста клиент получил от трастовой компании подписанный бланк договора. Учредитель траста был номинальный, бенефициаром числился, естественно, Красный крест. Протектор (гарант) траста получал право назначения других бенефициаров. В бланке было оставлено место для имени протектора - предполагалось, что клиент впишет туда самого себя, подпишет договор (в качестве протектора), после чего назначит настоящих бенефициаров. Клиент, однако, ничего этого сделать не потрудился (что, в принципе, не редкость). Тем не менее впоследствии договор попал на рассмотрение в суд и вполне серьезно там изучался. Суд первой инстанции счел условия договора недостаточно определенными для

признания его действительным, но апелляционный суд пересмотрел это решение и определил, что договором был создан... самый настоящий благотворительный траст!

Итак, управляющий дискреционного траста имеет законное право, например, вообще никому ничего не платить в течение всего срока действия договора. И в случае смерти «объекта распределительных полномочий» его наследники не смогут даже получить никакой информации об активах траста, что потенциально может оказаться плодородной почвой для злоупотреблений управляющего. Именно этот факт служит основным источником критики рассмотренного нами судебного решения. Учитывая, что с 2001 г. максимально допустимый срок действия траста на Острове Мэн был увеличен с 80 до 150 лет, не исключено, что наследникам нашего гипотетического г-на Смита придется подождать века полтора, прежде чем выяснится истинный размер состояния их покойного батюшки. Да и тогда деньги могут уйти Красному кресту. Вывод - кто хочет обеспечить будущее своих родственников, должен позаботиться о юридическом оформлении своих пожеланий до ухода в лучший мир.

Возвращаясь от гипотетического случая к реальному судебному прецеденту «Роузвуд против Шмидта», можно сказать, что нам неизвестны истинные намерения учредителя траста в части наследования, что, собственно, и является первопричиной всех юридических коллизий. Неизвестны же они именно потому, что не были отражены в трастовом договоре, а вместо этого просто использовались стандартные формулировки. Этот опыт стоит иметь в виду каждому подписывающему трастовый (да и любой другой) договор. И независимо от судьбы наследства Виталия Шмидта прецедент имеет важнейшее значение для всех учредителей и бенефициаров дискреционных трастов как основа будущих судебных решений.

Дело о «безотзывном трасте» (Острова Кука, 2000-2001 г.)

Семейная пара, граждане США, учредили на Островах Кука безотзывный траст (А). Управляющими траста была назначена местная компания (АВС) совместно с самими учредителями. Бенефициарами траста стали дети учредителей, тоже граждане США. Впоследствии и сами учредители были включены в список в качестве дискреционных бенефициаров (о дискреционном трасте см. выше). Учредители стали также и протекторами траста, то есть лицами, уполномоченными осуществлять контроль над действиями управляющих, сохранив за собой право на их назначение. Как видим, в данном случае учредители траста сохранили практически полный контроль над активами, переданными в управление.

Надо сказать, что законодательство США в принципе не препятствует американским гражданам в инвестициях за рубежом, в том числе и в создании зарубежных трастов - при условии выплаты всех причитающихся налогов. Однако власти активно противодействуют разного рода схемам, явно не имеющим иной экономической задачи, как выведение доходов или имущества из-под американского налогообложения. Если установлено, что учредители сохранили фактический контроль над активами, то траст признается фиктивным, и, следовательно, не имеющим юридических последствий. Это значит, что доходы и имущество траста считаются (в том числе для целей налогообложения) входящими в состав доходов и имущества учредителей, как если бы никакого траста не существовало.

Так оно и вышло. В США состоялся процесс, в результате которого учредителям траста был выдан судебный приказ, требующий репатриации всех принадлежащих им активов в Америку. Учредите-

ли уведомили об этом трастовую компанию ABC, попросив ее представить полный финансовый отчет и вернуть имущество. И вот тут начались неожиданности (хотя, видимо, и не для всех).

Трастовая компания в ответ уведомила учредителей, что судебное преследование управляющего (в данном случае американской четы) является, по условиям заключенного трастового договора, «событием принуждения», а поэтому, согласно тому же договору, учредители немедленно выводятся из состава управляющих траста. Компания также сообщила, что выполнение данного судебного приказа означало бы нарушение условий трастового договора, а потому возвращать имущество в США она не собирается.

Будучи, по-видимому, законопослушными гражданами, американцы-учредители траста предприняли все возможные усилия для репатриации активов. Первым делом они выпустили резолюцию о смещении ABC в качестве управляющего трастом и назначении на эту должность некоей другой компании (X). Компания X была зарегистрирована на Островах Кука, но оказалась дочерней организацией - кого бы вы думали? - Федеральной торговой комиссии США. Затем была выпущена резолюция, изменяющая договор таким образом, что сами учредители лишаются права назначать управляющих в дальнейшем.

Казалось бы, возвращение активов теперь обеспечено. Но было еще одно обстоятельство. Оказалось, что Федеральная торговая комиссия, равно как и любой другой государственный орган (кроме органов власти Островов Кука), по трастовому договору является так называемым «исключенным лицом», то есть, несмотря на дискреционный характер траста, она ни при каких обстоятельствах не может быть его бенефициаром. (Составители договора, были ли это сами учредители или адвокаты с островов, явно обладали даром предвидения.) Учредителям пришлось выпустить еще одну резолюцию, выводящую комиссию из списка исключенных лиц. Кроме того, учредители подали в отставку с поста протекторов траста в пользу все той же компании X.

Однако трастовая компания ABC резонно предположила, что цель всех этих действий - именно передача активов Федеральной комиссии, что явно противоречило сути заключенного с компанией ABC трастового договора. Поэтому компания не стала предпринимать никаких шагов по исполнению резолюций, а вместо этого по собственной инициативе направила дело на судебное рассмотрение с целью получения указаний, что ей делать дальше.

Рассмотрев обстоятельства дела (2000 г.), Высокий суд Островов Кука пришел к выводу, что назначение компании X принесло бы выгоду Федеральной торговой комиссии США, которая по условиям трастового договора является исключенным лицом. В результате это назначение было признано недействительным. Также были признаны недействительными и остальные документы, выпущенные законопослушными американцами в пользу комиссии.

Можно сказать, что суд Островов Кука продемонстрировал свою независимость от могущественных США. Однако следует отдать должное и составителям договора, которые практически не оставили суду выбора, детально предусмотрев возможное развитие событий в тексте самого договора. Траст оказался действительно безотзывным!

На этом история, однако, не заканчивается. Вернее, вскоре стало известно ее начало. В суде Островов Кука дело было представлено именно таким образом, как в предыдущих абзацах - с лите-рами в место имен собственных. Дело в том, что трастовая компания в данном случае ни с кем не судилась, а лишь просила у суда указаний, как по закону ей следует действовать в изложенных обстоятельствах. Однако после публикации материалов дела все заинтересованные юристы по

совпадению многочисленных деталей немедленно опознали учредителей «безотзывного траста А» как супругов Андерсон, ответчиков в недавнем судебном процессе, состоявшемся в Неваде. Так чисто теоретический юридический экзерсис неожиданно приобрел реальные очертания.

Андерсоны оказались не самыми приятными людьми - к суду в 1998 г. их привлекли за участие в мошеннической схеме «телемаркетинга», в результате которой многие инвесторы остались с носом. Именно поэтому истцом была Федеральная торговая комиссия, ведающая антимонопольной политикой и защитой прав потребителей. Организаторы схемы начиная с 1997 г. предлагали всем желающим делать инвестиции в блоки эфирного времени (5 тыс. долл. за блок) ночного телемагазина, торгующего такими чудесами техники как наполняемые водой гантели и говорящие ошейники для собак. Инвесторам обещали прибыль в размере 50% в течение 60-90 дней. Однако поскольку доходов от говорящих ошейников для этого не хватало, предыдущим вкладчикам, как водится, платили за счет последующих. Всего было собрано около 20 млн. долл., после чего пирамида рухнула. Андерсоны не были ее организаторами (поэтому им был предъявлен лишь гражданский иск, а не уголовное обвинение), но занимались привлечением инвесторов и получали неплохие комиссионные - 45%.

Окружной судья, как уже упоминалось, потребовал репатриации всех зарубежных активов ответчиков, в том числе 1,3 млн. долл., находящихся в том самом трасте на Островах Кука, учрежденном еще в 1995 г. В ответ Андерсоны с готовностью объявили, что это никак невозможно в силу специфики трастового договора, но судья им не поверил. Упомянувшийся выше отрицательный ответ от трастовой компании не произвел никакого впечатления на суд, который счел, что на самом деле ответчики, несмотря ни на что, сохраняют фактический контроль над трастом. Судья дал Андерсонам некоторое время на возвращение имущества, а поскольку этого не было сделано, заключил их под стражу за неподчинение суду - до возвращения денег. В судебном решении было сказано: «Как гласит старая пословица, дурак и его деньги легко разлучаются. Данное дело показывает, что это не так в случае с окружным судьей и его здравым смыслом».

Андерсоны подали апелляцию, но апелляционный суд в 1999 г. поддержал решение окружного суда (обвинение в неподчинении). Суд проявил полную осведомленность в рассматриваемом предмете - его решение обильно усыпано цитатами из пособий по офшорным трастам, свидетельствующих как раз о том, что основная цель создания такого траста - одурачить юстицию собственной страны.

Апелляционный орган признал, что в принципе невозможность возвращения денег может иметь место, но в рассматриваемом случае «разделил скептицизм окружного суда» в отношении того, что ответчики и в самом деле «отослали миллионы долларов за границу и не сохранили абсолютно никакого контроля над активами». Суд отметил, в частности, что по данному договору траста учредители являются его протекторами и имеют право на назначение новых управляющих траста. Но независимо от этих подробностей было указано, что бремя доказывания невозможности репатриации лежит на ответчиках, причем в подобных случаях оно «особенно велико», поскольку все указывает на то, что «видимое подчинение судебным решениям - просто фарс, а не добросовестная попытка их исполнения». Апелляция была отклонена. Это решение стало важнейшим прецедентом для США, развязавшим руки судам первой инстанции в борьбе с офшорными трастами. Жесткие формулировки, которыми суд характеризовал офшорные трасты («умышленно сконструированы для создания помех судам США») давали основания полагать, что в перспективе их пользователям, а равно и регистраторам, вполне может быть предъявлено уже уголовное обвинение в препятствовании правосудию. Фактически данным решением (а также некоторыми измене-

ниями налогового законодательства) была уничтожена целая индустрия по производству офшорных трастов, создание которых приобрело в США буквально массовый характер начиная с середины 90-х годов. Отныне регистраторы сконцентрировались на офшорных компаниях.

Именно после этого решения Андерсонам и пришлось выпустить те три резолюции в пользу «компаний X», которые затем рассматривались судом Островов Кука. Резолюции Андерсоны писали уже под обвинением в неподчинении суду, чем и объясняется их законопослушность.

Как видим, рассмотренное решение Высокого суда островов Кука, состоявшееся уже позже, отчасти опровергает мнение американского суда. Во всяком случае, документов, написанных, очевидно, под диктовку юристов Федеральной торговой комиссии, оказалось и в самом деле недостаточно для возвращения активов, так что обвинение в попытке водить суд за нос оказалось вроде бы и не вполне обоснованным. Любопытно, что суд Островов Кука в своем решении отказался признать, что учредители траста писали эти три резолюции под принуждением - что сделало бы их изначально ничтожными. Суд счел, что заключение учредителей под стражу за неповиновение было вполне законным (следует ли это понимать так, что, по мнению местного суда, у Андерсонов действительно были все возможности по возвращению денег?) - а поэтому резолюции с юридической точки зрения следует рассматривать как написанные добровольно. В этом суд островов, проявив в некотором роде корпоративную солидарность с американскими коллегами, отошел от трактовки, предложенной авторами трастового договора, рассматривавшими подобные обстоятельства как «событие принуждения». Решение суда Островов Кука, таким образом, базировалось лишь на том, что Федеральная комиссия - исключенное лицо по договору.

Но на этом судебные перипетии на островах не закончились. Потерпев неудачу с попыткой реорганизации траста в свою пользу, американские власти (в лице все той же Федеральной комиссии) решили в открытую предъявить иск к трастовой компании, который и был рассмотрен Высоким судом Островов Кука в 2001 г. В своем иске комиссия вкратце излагает обстоятельства дела Андерсонов, благодаря чему мы вновь легко узнаем их в учредителях рассматриваемого траста, несмотря на то, что в решении суда формально сохранена их анонимность. Однако от Высокого суда не требовалось давать оценку действиям Андерсонов. Вместо этого Федеральная комиссия потребовала от трастовой компании Островов Кука передать ей, комиссии, активы, полученные от учредителей - во исполнение приказа американского суда. Фактически от суда островов требовалось привести в исполнение этот американский судебный приказ.

Ну, это дело было совсем простым. Согласитесь, было бы странно, если бы, допустим, американские суды стали автоматически приводить в исполнение решения российских судов - для этого нужен как минимум международный договор. Однако американским юристам это в голову, видимо, не пришло. Судья же в своем решении вполне резонно сослался на фундаментальные принципы международного частного права, процитировав... популярный английский учебник по коллизии праву (и содержащиеся в нем прецеденты). Согласно правилу из учебника, «английские суды не имеют юрисдикции прямо или косвенно приводить в исполнение штрафные санкции и иное общественное право иностранного государства». Именно этот неписанный закон был в серии судебных решений принят судами Англии, Австралии, Новой Зеландии, а теперь вот и Островов Кука. Суд определил, что истец как раз и пытается осуществить общественное право иностранного государства и наложить на учредителей траста штрафные санкции. Суд же Островов Кука к этому отношения не имеет и не видит причины для каких-либо действий со своей стороны. В результате в иске было отказано.

Дело здесь не только в детальном следовании судом Островов Кука букве закона и не только в топорной работе уже известных нам юристов Федеральной торговой комиссии США. Благополучие офшорных зон во многом зависит именно от того, насколько надежно хранятся там деньги клиентов. Так что суды этих юрисдикций склонны довольно твердо отстаивать интересы своих офшорных структур перед могущественными заморскими державами. Заморские державы, правда, с этим не смиряются.

Так, в рамках инициативы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с нечестной налоговой конкуренцией ведется «черный список» офшорных зон, отказывающихся от сотрудничества с ОЭСР. С 2003 г. странам, вошедшим в список, угрожают международные санкции. Под угрозой включения в «черный список» большинство офшорных зон (в том числе Острова Кука) уже обязалось в срок до конца 2005 г. выполнить все требования ОЭСР в части коррекции своей налоговой политики в сторону прозрачности и по обмену налоговой информацией со странами ОЭСР. В настоящий момент в списке осталось лишь семь «несогласных» зон.

Другой «черный список» ведется ФАТФ (межправительственная Группа противодействия отмыванию незаконных капиталов). В него включены государства (не только офшорные зоны), недостаточно активно сотрудничающие с ФАТФ в борьбе с отмыванием. Им также угрожают международные санкции (фактически наложенные пока только на Науру). В список из пятнадцати стран и территорий входят, в частности, и Острова Кука - а также Россия и Украина.

Насколько успешной будет борьба развитых стран с офшорными зонами, покажет время. Дальнейшая судьба осевших на Островах Кука денег обманутых американских вкладчиков тоже пока неизвестна. Андерсонов после полугода заключения выпустили под обязательство сотрудничества с правосудием в деле возвращения активов, хотя обвинение в неподчинении и не было снято. Если все останется как есть, средства рано или поздно перейдут детям Андерсонов (бенефициарам траста), а уж тогда задачей американской Фемиды будет у них эти деньги изъять.

История эта интересна для нас прежде всего в качестве характерного прецедента, демонстрирующего как применение офшорных трастов для защиты активов, так и судебные возможности по репатриации средств из таких трастов. Кроме того, в данном случае у нас есть уникальная возможность сравнить подходы судов двух стран к одному и тому же трастовому договору. Можно сказать, что при рассмотрении договора суд Островов Кука следовал чистой юридической логике, а суд США - скорее здравому смыслу, но при этом каждый предпочел оставить спорные активы под своей юрисдикцией.

Источники:

Rosewood Trust Limited v Schmidt (2001) 3 ITEL R 734

Steele v. Paz (1993-5) Isle of Man, MLR 102

In Re: A Irrevocable Trust (2000) 2 ITEL R 482

Federal Trade Commission v Affordable Media LLC, Denyse Anderson and Michael Anderson (1999) 2 ITEL R 73

United States of America v A Limited (2001) Cook Islands, High Court, Raratonga, Plaintiff No. 57/1999

Материал подготовлен компанией Roche & Duffay

тел. (095) 790-2660; 924-1300

Июль 2002 г.